

ПРОМЫСЛОВЫЕ ЗАГОВОРЫ И ОБРЯДЫ РУССКОГО СЕВЕРА В ТВОРЧЕСТВЕ «КРЕСТЬЯНСКОГО» ПОЭТА Н. А. КЛЮЕВА

Аннотация: Статья посвящена фольклорной составляющей в поэзии «крестьянского» поэта Николая Ключева. Особое место в творчестве Ключева занимают охотничьи и рыболовецкие обряды и заговоры северного края. Поэт не обходит стороной хозяев леса и воды. Дает свое представление об их внешнем виде и задабривании перед уходом на промысел.

Ключевые слова: охотничьи и рыболовецкие заговоры и обряды, поэзия Н. А. Ключева, леший, водяной, Олонецкий край

Summary: The article is devoted to folkloric poetry component of “peasant” poet Nikolai Klyuev. A special place in the Klyuev’s work take hunting and fishing rites and incantations of the northern edge. The poet does not shy away from the owners of the forest and water. Gives his impression of their appearance and coaxing before leaving for fishing.

Keywords: Hunting and fishing incantations and rituals, poetry of N.A. Klyuev, the devil, waterman, Olonetsky edge.

Николай Алексеевич Ключев родился в крестьянской семье в селе Коштуги Вытегорского уезда Олонецкой губернии (ныне Вытегорский район Вологодская область). Проживая в деревне, Ключев тонко чувствовал труд крестьян, их зависимость и одновременно тесное единение с природой. Поэт прекрасно знал местные фольклорные предания, заговоры, обряды и приметы. Его мать Прасковья Дмитриевна была сказительница и плачеха. Она научила сына грамоте и укрепила в вере «предков – старообрядцев». «Грамоте меня выучила по Часовнику мамушка», – вспоминает поэт в автобиографии «Гагарья судьбина».¹ Именно здесь среди дремучих лесов и непроходимых болот поэт научился свободно владеть образами и приемами народного творчества, богатством русского языка.

Сборники «Сосен перезвон» (1912; фактически: 1911), «Лесные были» (1913) и циклы «Песни из Заонежья»² и «Избяные песни» (1914-1917) стали самыми яркими по использованию фольклорных традиций и народного, зачастую диалектного, языка.

Тема охотничьих или рыболовецких обрядов не самая распространенная в творчестве Ключева – в отличие от семейно-бытовых или похоронных традиций. Тем не менее, сам промысел рыбака и охотника раскрыт поэтом довольно глубоко.

Ключев не разбивает окружающий мир на живой или неживой, он не отделяет человека от природы. Природа была для Ключева и матерью, и окружающим миром, где он жил, и воплощенным божеством. Надо заметить, что пантеистическое мироощущение было распространено в народе тех мест, где жил Ключев.

Подтверждение этому можно найти в этнографической записи, опубликованной Б. А. Успенским: «Каждый год накануне зимнего Николы пред всеночной из каждой рыбацкой семьи к известному месту собираются старики. На берегу ими делается человеческое чучело и в дырявой лодке отправляется в озеро, где, конечно, и тонет. Два-три старика поют песню, где просят Онего (озеро) взять чучело соломенное... и для большей вразумительности призывают имя Николы Морского».³

Как видно из описанного обряда, деревенские жители обращаются к Миколе (Николаю Угоднику). Этот святой особо почитался рыбаками на Русском Севере. По замечанию Г. А. Носовой, «среди рыбаков-поморов <...> он получил прозвище Морского. В простонародье святого Николая называли Николой Мокрым».⁴ Именно в таком звучании Микола святой чаще всего появляется в произведениях Ключева, который называет его «братом парусов и рыбаблей»:

Парусов и рыбаблей братца,
Святителя теплого – Миколу!⁵

Традиционное имя святого в поэзии Н.Ключева также присутствует:

«...я Вешний Никола» –

© С.В. Байнин, 2015

¹ Ключев Н. А. Словесное древо. Проза. / Вступ. статья А.И. Михайлова; сост., подготовка текста и примеч. В.П. Гарнина. СПб., 2003. С. 31.

² В основу «Песен из Заонежья» положен одноименный раздел (12 песен) из книги «Мирские думы» (1916). Тула входит также одно стихотворение из сборника «Братские песни» (1912) и 15 песен – из «Лесных былей».

³ Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982. С. 83.

⁴ Носова Г. А. Язычество в православии. М., 1975. С. 95.

⁵ Ключев Н. А. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы / Предисл. Н.Н. Скатова, вступ. статья А.И. Михайлова; сост., подгот. текстов и прим. В. П. Гарнина. СПб., 1999. С. 677.

Усладней сказительных струн.⁶

За помощь крестьяне обещают святому «оленьи пимы» и морошку с яблоками.

Рыболовецкие обряды обычно не связывались с аграрным календарным циклом, а приурочивались к первому дню лова или какому-то конкретному водоему. Клюев пишет об ожидании поры наступления оттепели, когда начинают выгонять скот, готовиться к промысловой деятельности, новым хозяйственным работам:

Сороки хохлятся – к капели,

Дорога пега – быть теплу.

Как лещ наживку, ловят ели

Луча янтарного иглу.⁷

Березки – бледные белички,

Потупясь, выстроились в ряд.

Я голоску веснянки-птички,

Как материнской ласке, рад.⁸

Подробно Клюев описывает в стихотворении «Как по реченьке-реке» опасный и тяжелый промысел рыбака:

Как по реченьке-реке

В острогрудом челноке,

Где падун-водоворот,

Удалой рыбак плывёт. <...>

Подмережник – жемчуга,

Во мереже два сига,

Из сигадины один –

Рыбаку заочный сын.<...>

С рыболовом, крутобок,

Бороздит янтарь челнок.

Глуби ропщут: так иль сяк –

Будешь ты на дне, рыбак.⁹

Клюев не говорит об абстрактных понятиях как таковых (рыба, животное, дерево). В его стихотворениях всегда лещ, налим, ель, кедр, волк, медведь, воробей, галка и т.д. Так и в этом стихотворении. Один из способов ловли рыбы Клюев называет подмережник, или мережа. Мережа – *ловушка для раков и рыбы, состоящая из обручей и сетки. Эту снасть ставили на больших озёрах, где были глубокие топи:*

Мережи с лесой осетровой

Протянут над бездной ловцы.¹⁰

Помимо мереж Клюев указывает на мёрды:

Как старая лодка, рыбацья мерда,

Баюкает сердце, незрячее, ржавое.¹¹

Мёрда – *рыболовная снасть с жёстким каркасом из ивовых прутьев, обтянутая сверху мелкоячейной сетью; внутри укреплялся сетный язык. Такие ловушки использовались на малых лесных озёрах:*

Лукавые мёрды и петли ремней

Для тысячи белых кувшинковых шей.¹²

Лукавыми называет поэт их потому, что для привлечения нерестящейся рыбы входное горло мёрды обкладывали хвойной лапкой. Рыба заходила в ловушку, а выйти уже не могла.

Говоря о рыболовном промысле северных крестьян, Клюев называет ряд рыб, особо часто встречающихся в водах рек и озер региона. Небольшую плотву поэт сравнивает со звездочкой, имея в виду ее блестящую чешую:

Мир очагу, где обильны всегда

Звёздной плотвою годов невода.¹³

⁶ Клюев Н. А. Сердце Единорога. С. 281.

⁷ Там же. С. 241.

⁸ Там же. С. 172.

⁹ Там же. С. 186-187.

¹⁰ Клюев Н. А. Сердце Единорога. С. 335.

¹¹ Там же. С. 331.

¹² Там же. С. 672.

¹³ Там же. С. 641.

Плотву еще называют сорога или сорожка. Заметить двигающуюся стаю сорожек можно на тиховодье у камыша издали по всплескам:

Плескучи лещи и сороги
В купели финифтяных вод.¹⁴

Среди многочисленных рыб Клюев выделяет леща. У леща очень много костей, поэтому Клюев и сравнивает его с елью:

Как лещ наживку, ловят ели
Луча янтарную иглу.¹⁵
Помимо вышеуказанных рыб Клюев упоминает щуку, окуня, налима, торпицу, язя:
Поделят внуки счастливый лов
Глазастых торпиц, язей, сегов...¹⁶

Среди обычаев рыбаков особое внимание уделялось жертве водяному перед началом лова. Водяному бросают две-три маленьких рыбки, щепотку табака или горбушку хлеба с солью со словами: «Хозяюшко-дедушко, вот тебе хлебушко, а мне рыбка».¹⁷ Обряды связаны как с удачным ловом, так и на сохранение своей жизни. Поэтому, начиная лов, рыбаки вынуждены с ним считаться. В Пинежском районе Архангельской области первую пойманную рыбу съедает сам рыбак.¹⁸ На родине Клюева в Вытегре первой пойманной рыбе плевали в рот и использовали для приготовления ухи, которую готовили прямо в лодке.¹⁹

Если водяного, как хозяина рек и озер, Клюев никак не характеризует, то описание лешего можно найти на страницах произведений поэта.²⁰ Среди персонажей «низшей» мифологии лесовик особо выделяется. Леший представляется многим в виде человека с длинными волосами, покрытый шерстью, либо одетый в звериную шкуру. Клюев дает схожее описание:

У лесового нос - лукошко,
Волосья - поросли раakit...
Кошель с янтарною морошкой
Луна забрезжить норовит.²¹

Образ лешего порожден соединением языческих представлений «с первозданными природными началами».²²

Лесовика практически невозможно заметить. Он прекрасно сливается с природой. Мог предстать ростом с дерево, или наоборот – пеньком не выше кустарника:

Дымится пень, ему лет со сто,
Он в шапке, с сивой бородой.²³

В лысый пень оборотясь,
На людей дивится леший...²⁴

Как видно, образ лешего практически ни чем не отличается от закрепленного в фольклорной традиции описания.

Клюев неоднократно говорит об опасности, стоящей перед охотником:

Под таежным медведем
Погиб лихой лесник.²⁵

И, в результате, верная подруга охотника винтовка скучает по своему хозяину, покрываясь ржавчиной:
С полки грозит мутовка:
«Нишкни! Идет лесовик!...»

¹⁴ Там же. С. 282.

¹⁵ Там же. С. 241.

¹⁶ Там же. С. 286.

¹⁷ Архив школьного этнографического музея «Прялица» МОУ «Средняя Общеобразовательная школа № 1 г. Вытегра», единица хранения № 46.

¹⁸ Зеленев Д. К. Восточнославянская этнография / Пер. с нем. К. Д. Цивинной. М., 1991. С. 105.

¹⁹ Архив школьного этнографического музея «Прялица» МОУ «Средняя Общеобразовательная школа № 1 г. Вытегра», единица хранения № 46.

²⁰ Из водного мира Клюев упоминает лишь о русалке, которая пением старается привлечь к себе неосторожного человека: «Дымится омут, спит лоза, / В осоке девушка – русалка. / Она пост, манит на дно / От неги ярового избытка» (Клюев Н.А. Сердце Единорога. С. 173).

²¹ Клюев Н.А. Сердце Единорога. С. 262.

²² Маркин П. Ф. Славянская мифология как мировосприятие и текст русской литературы. Барнаул, 2009. С. 317.

²³ Клюев Н.А. Сердце Единорога. С. 262.

²⁴ Там же. С. 249.

²⁵ Там же. С. 215.

Грезит спросонка винтовка:
 «Где же хозяин-лесник?
 Ржавчина ест мое дуло,
 Выщерблен кремь давно!...»
 Шарят лесные отгулы
 Темени звонкое дно.
 Поздно. Доштопать бы ворот.
 Внучек белее, чем лен,
 «Тятка лосихой запорот», -
 Всякому вымолвит он.²⁶

Чтобы сохранить оружие от порчи или уроков, произносили следующий заговор: «Чур мой, на сорок первой! Как мать сыра земля не урочится, так бы и мое огненное ружье с белыми зверьми и летучими птицами не урочилось во все лето и осень матушку». При этом охотник должен был взять по три капли крови и проглотить их, и столько же пустить в ружье.²⁷

Уходя на охотничий промысел, у человека был страх не только заблудиться или погибнуть от лютого зверя, но прийти домой ни с чем:

Дятел – пущ колотушка –
 Дразнит стуком клеста,
 И глухарья ловушка
 На сегодня пуста²⁸.

Клюев ни разу не зафиксировал удачный поход охотника. Поэт не хочет говорить об убийстве зверя. Для него животное, птицы – та природа, с которой он сосуществует, живет в единстве. «Природа – одухотворенная, “живая” жизнь, – пишет К. М. Азадовский. – Задача человека – приблизиться к ней. Духовно полноценные люди, по убеждению Клюева, – прежде всего те, которые близки Природе».²⁹ Именно поэтому у поэта:

Галка-староверка ходит в черной ряске,
 В лапотках с оборой, в сизой подпояске,
 Голубь в однорядке, воробей в сибирке,
 Курица ж в салопе – клеванные дырки.³⁰

Клюев описывает время начала охоты на рысь, которая начинается с ноября и заканчивается поздней зимой. С отлетом лебедей крестьяне готовились к промыслу на этого зверя:

Пора лебединого отлета:
 Киноварно-брусничные дни,
 В краснолесье рысья охота,
 И у лыж обнова — ремни.³¹

Одновременно поэт описывает жизнь охотника в чуме – «коническом шалаше из жердей, покрываемый берёстой, войлоком или оленьими шкурами; форма жилища, распространённая по всей Сибири, от Уральского хребта до берегов Великого океана, у финских, тюркских и монгольских племен».³²

В чуме гарь, сладимость морошки,
 Смоляной канатной пеньки,
 На гусином сале лепешки
 Из оленьей костной муки.³³

В стихотворении «Ворон грает к теплу, а сорока – к гостям» Клюев приводит множество примет: свадебных, промысловых, бытовых и т.д. Поэт говорит о «Богородицыном Сне», как обереге в различных жизненных ситуациях:

Под порогом зарыт «Богородицын Сон», —

²⁶ Клюев Н. А. Сердце Единорога. С. 246.

²⁷ Великорусские заклинания / Сост. Л. Майков. М., 1997. С. 127.

²⁸ Клюев Н. А. Сердце Единорога. С. 248

²⁹ Азадовский К. М. Поэзия Н.А. Клюева и проблема романтического (Предварительные заметки) // Литература и искусство в системе культуры. М., 1988. С. 462.

³⁰ Клюев Н.А. Сердце Единорога. С. 282.

³¹ Клюев Н.А. Сердце Единорога. С. 405.

³² Чум, вид жилища // Энциклопедический словарь / Издали Ф.А.Брокгауз и И.А.Ефрон. СПб., 1903. Т.39, кн.77. С.59.

³³ Клюев Н.А. Сердце Единорога. С. 406.

От беды-худобы нас помилует он.³⁴

Здесь имеется в виду апокриф «Сон пресвятой Богоматери присной Девы Марии», который имеет в крестьянской среде значение заговора, текст которого зарывают под порогом дома. Считается, что тот, кто носит при себе «Сон», получит от Богородицы «великую благодать и милость: здоровье и благополучие и на полях большое изобилие, и урожай во всяком хлебе, и на лугах, и покосы сухие».³⁵

Клюев подчеркивает тяжелый и опасный охотничий и рыболовецкий промыслы крестьян. Чтобы остаться в живых в лесу или не утонуть на озере, человек обращается не только к вере за помощью, но и непосредственно к самой природе с применением определенных обрядовых действий.

Именно туда, на родину, тянуло на протяжении всей жизни поэта, где еще жива вера в домового или лешего, а рыбак просит рыбы у водяного, отдавая часть своей еды. В Андоме или в Вытегре (где в последствии жил Клюев) «широко необъятное поле», где поэт «на просторе, на воле» среди лесов и рек. Там нет «рыданий и слез», «пьяных оргий, продажной любви»:

Жизнь тиха здесь, как пламя лампы,
Не колеблемой ветром в тиши.³⁶

³⁴ Там же. С. 245.

³⁵ Литературная энциклопедия. М., 1930. Т. I. С. 543.

³⁶ Клюев Н.А. Сердце Единорога. С. 78.